

Ли Цинъюй сидел в процедурном кабинете, а в голове у него всё еще стоял легкий туман.

— Не жди меня, оставь машину и поезжай назад.

— Передай всем, чтобы утреннее совещание в девять часов перенесли на час вперед.

— Встречу со швейцарцами в два тридцать тоже отмени.

— Нельзя отменить? Если нельзя, пусть Чу Куан проводит, всё, у меня тут дела, вешаю трубку.

Прошло совсем немного времени, как дверь открылась, и вошел Чэн Вэй.

Увидев Ли Цинъюя, он легко улыблся, и весь его вид излучал исключительное дружелюбие. Казалось, будто только что на улице по телефону с секретарем разговаривал вовсе не он — холодный, жесткий и властный человек.

Медсестра закончила ставить капельницу и напутствовала:

— Примерно через сорок минут нужно будет сменить флакон, вы, сопровождающие родственники, обратите внимание на время.

Слова «сопровождающие» и «родственники» прозвучали особенно отчетливо, Ли Цинъюй хотел было объясниться, но услышал, как Чэн Вэй уже ответил:

— Хорошо.

Чэн Вэй опустился на стул рядом с ним. Его телефон то и дело вибрировал, Чэн Вэй хмуро ответил на пару сообщений — судя по всему, работы у него было невпроворот.

Ли Цинъюй нерешительно произнес:

— Братец Чэн Вэй, я...

Со мной бы и одному ничего не стало.

Слова, которые уже готовы были сорваться с губ, прервало движение — Чэн Вэй внезапно протянул руку.

— Тебе нехорошо? — донесся до уха мягкий голос мужчины, и Чэн Вэй коснулся его пылающего лба.

Пальцы у Чэн Вэя были чистыми, тонкими, сохранившими прохладу осени, и в тот миг, когда они коснулись лба Ли Цинъюя, это принесло такое блаженство, что его душа затрепетала.

Неужели всё дело в их идеально совместимых феромонах?

Стоило Чэн Вэю появиться, как Ли Цинъюй почувствовал, что на душе у него стало намного спокойнее: та зыбкая, невесомая пустота, что преследовала его из-за высокой температуры, вдруг обрела твердую почву под ногами.

Из чистого эгоизма он на самом деле вовсе не хотел, чтобы Чэн Вэй уходил.

Более того, в то самое мгновение, когда они соприкоснулись кожей,

подавленное в глубине тела желание словно сорвало с плотины затворы, и оно вмиг хлынуло мощным потоком.

Хотелось... еще больше прохлады.

Хотелось... еще больше утешения.

С губ у него против воли сорвался тихий стон.

Сообразив, какой именно звук только что издал, Ли Цинъюй испуганно моргнул, а когда открыл глаза вновь, то увидел, как Чэн Вэй резко отдернул руку.

У Ли Цинъюя покраснели даже мочки ушей, он в панике попытался оправдаться:

— Братец Чэн Вэй, я...

Он был до того смущен, что у него не осталось смежности даже взглянуть собеседнику в глаза, а потому он не заметил ни мимолетного странного выражения на лице Чэн Вэя, ни его кадыка, который тот судорожно сглотнул.

— Как ты умудрился так внезапно заболеть?

Ли Цинъюй покачал головой:

— Не знаю.

Хотя сам он прекрасно понимал, что с наибольшей вероятностью это были последствия симбиоза или побочные эффекты от ингибиторов.

Но эти причины Чэн Вэю знать было категорически нельзя.

Пришлось отделаться невнятным бормотанием:

— А ты... почему ты приехал в больницу так поздно?

При упоминании об этом Чэн Вэй почувствовал легкую головную боль: из-за того, что ему никак не удавалось отыскать своего симбионта, у него развивалось всё больше осложнений, мучивших его невыносимым образом. Однако обо всем этом он вовсе не собирался рассказывать Ли Цинъюю.

— Пустяки, мелкие неприятности.

Ли Цинъюй теребил край рубашки и пробормотал себе под нос:

— Мелкие неприятности...

Потерпев немного, он всё же не выдержал и спросил:

— Это из-за того омеги, с которым у тебя полная совместимость?

Чэн Вэй нахмурился, явно будучи недоволен:

— Чэн Е тебе рассказал?

Ли Цинъюй ничего не ответил.

Чэн Вэй бросил на него загадочный взгляд.

— Почему Чэн Е не пришел с тобой?

При имени Чэн Е взгляд Ли Цинъюя потускнел.

Он прикусил губу:

— Сегодня вечером у него дела, в общегитии я один.

Стоило только дать волю мрачному настроению, как сдержать его уже не получалось.

Вдруг чья-то рука легла поверх его ладони, словно стремясь хоть немного утешить. Ли Цинъюй посмотрел на Чэн Вея. Тот, опустив голову, отвечал на сообщения и не смотрел на него специально, лишь произнес мягким голосом:

— Ничего, сегодня вечером я побуду с тобой.

Синие больничные скамьи стояли на привычном расстоянии — ни близко, ни далеко.

Холодная жидкость из капельницы медленно текла через иглу в вену, и температура тела уже заметно спала. Однако Ли Цинъюй отчетливо чувствовал, что кровь в его венах из-за присутствия Чэн Вея продолжала неустанно бурлить, а зуд под кожей вновь начал пробуждаться.

Расположение скамей обычно не позволяло им соприкоснуться, но стоило лишь кому-то из них чуть наклониться в сторону, как они тут же могли бы задеть друг друга.

Хотелось придвинуться ближе, хотелось прикосновений Чэн Вея, хотелось ощутить запах его феромонов.

Обоим было известно, каких невероятных усилий стоило Ли Цинъюю, и без того полубезумному от высокой температуры, сохранять хоть капли здравомыслия среди бушующих желаний, сдерживая себя от того, чтобы наброситься на Чэн Вея, бесстыдно и смело зарыться носом в его объятия и вымолить выброс феромонов, способный хоть немного утешить его измученный разум.

Стоило только воображению запустить этот порочный круг мыслей, остановить его уже не получалось.

Ли Цинъюй чувствовал, что он действительно болен безнадежно.

Когда первая капельница уже подходила к концу, Чэн Вею пришлось выйти, чтобы позвать медсестру для замены флакона.

Стоило присутствию мужчины внезапно исчезнуть, как мгновенное чувство пустоты заставило

Ли Цинъюя неосознанно протянуть руку и ухватить его за край одежды.

Чэн Вей с легким удивлением обернулся. Заметив, что юный пациент совершенно потерял рассудок из-за жара, он протянул руку и успокаивающе погладил его по голове:

— Я сразу же вернусь.

Ли Цинъюй был так измотан и сонен, что, услышав это обещание, лишь растерянно кивнул:

— Тогда возвращайся скорее.

Такое всецело зависимое выражение лица явно позабавило Чэн Вей, и он легонько провел пальцем по носу юноши.

Чэн Вей не солгал — он действительно вернулся очень быстро.

Ли Цинъюй уже задремал в полном забытии и даже не почувствовал, как медсестра сменила флакон. Он просто всем сердцем ощущал тот легкий аромат последождевого зеленого бамбука, исходивший от Чэн Вей.

Как же приятно пахло.

Это напомнило ему детство, когда он жил с бабушкой в деревне.

Каждый раз после дождя бурно росли побеги бамбука, и они вместе с бабушкой ходили их копать — весь бамбуковый лес был наполнен таким же чудесным ароматом.

Его веки слипались, и в конце концов он сдался и окончательно закрыл глаза. Бессознательно Ли Цинъюй придвинулся ближе к Чэн Вей. Опереться о его плечо ему показалось мало, и он еще несколько раз потерся о него, пока не нашел удобное положение.

Из-за этого движения пальцы Чэн Вей, отбивавшегося от бомбардировки смс-сообщениями от Чу Куана, на мгновение замерли. Он слегка скосил взгляд и увидел черную макушку. Волосы юношеского толка время от времени касались его щеки — мягкие и очень приятно пахнущие.

Пальцы левой руки Чэн Вей несколько раз сжались в кулак, и только в конце концов, словно решившись, он протянул руку и приобнял Ли Цинъюя, чтобы тот не упал. Почувствовав это движение, Ли Цинъюй блаженно замычал. Бессознательно, словно ластясь, он снова потерся о него.

Чэн Вэй тихонько усмехнулся.

Ближе к середине ночи внезапно пришла пара, и они шумели чуть громче обычного, что разбудило Ли Цинъюя.

Вскоре девушка, которой ставили капельницу, уснула, прислонившись к плечу парня. Тот сидел тихо, позволяя ей опираться на себя, и долго не менял позу. Когда голова девушки начала соскальзывать с его плеча, парень осторожно поддержал ее ладонью за щеку и вернул на место.

Чэн Вэй заметил, что Ли Цинъюй проснулся, и из-за бессонной ночи его голос слегка охрип:

— Что такое? Неудобно устроился?

Сказав это, Чэн Вэй протянул руку, поддержал его за щеку, помогая поудобнее изменить позу и снова прислониться.

Ли Цинъюй моргнул, смутно подумав:

то, как они выглядели сейчас, было так похоже на ту парочку.

<http://bllate.org/book/21235/2148492>